МИРОВАЯ В ОГНЕ

ЗЕЛЕНЫЙ АД



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Влад Эверест

Мировая в огне. Книга 3. Зеленый Ад

https://litres.ru/73424578
SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение цикла «Мировая в огне».

Джон Макклейн думал, что летит на фестиваль реконструкторов, чтобы поиграть в войну и выпить пива на пляже. Но судьба решила иначе.

Сентябрь 1941 года. Филиппины. Джон приходит в себя в диких джунглях, за три месяца до Перл-Харбора. У него есть верный «Томпсон», навыки спецназа и знание того, что скоро здесь разверзнется ад.

Пока официальная Америка спит, Джон начинает свою личную войну. Он собирает отряд из местных жителей, чтобы остановить японских диверсантов, которые уже готовят плацдарм для вторжения. Ему предстоит выжить в зеленом аду, где каждый куст может убить, пройти через «марш смерти» и доказать, что один человек может изменить ход истории, если у него есть воля и крупный калибр.

Это история о выживании, ярости и братстве, рожденном в грязи и крови.

Содержание

Пролог. Рейс 815. 4
Глава 1. Утро, которого не было. 10
Глава 2. Тени в раю. 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Влад Эверест
Мировая в огне.
Книга 3. Зеленый Ад

Пролог. Рейс 815.

В просторном салоне бизнес-класса трансокеанского лайнера, летящего сквозь ночь на высоте десяти тысяч метров, царил полумрак. Большинство пассажиров уже спали, укутавшись в мягкие пледы с логотипом авиакомпании, но в пятом ряду жизнь кипела. Здесь, оккупировав центральные места, расположилась странная компания из пяти мужчин, каждый из которых выглядел так, словно сбежал со съемочной площадки военного фильма. Они летели в Калифорнию на «Living History» — главный фестиваль исторической реконструкции, где планировали на три дня забыть о современном мире.

Джон Макклейн, бывший боец SWAT из Оклахомы, а ныне инструктор по тактической стрельбе, сидел у иллюминатора. Его внушительная фигура — метр девяносто пять роста и сто двадцать килограммов мышц — с трудом умещалась даже в широком кресле бизнес-класса. Он был одет в футболку с принтом «USMC», на коленях лежала ковбой-

ская шляпа, а в руках он вертел тяжелую, хромированную зажигалку Zippo, ритмично щелкая крышкой: клац-чпок, клац-чпок. Этот звук действовал на нервы педантичному соседу, но Джон не обращал внимания. Он был взвинчен, как перед штурмом наркопритона.

— Эй, Вик! — Джон толкнул локтем в бок сидевшего посередине Виктора Волкова, крепкого русского с ежиком седеющих волос. — Ты спишь, что ли? Брось, отоспимся в окопах. Спорим на ящик «Бадвайзера», что мои парни из 1-й дивизии морской пехоты на фестивале надерут задницу твоим красноармейцам в сценарном бою? У нас огневая мощь выше. «Томпсоны», «Бары», огнеметы. Против ваших «мосинок» — это как танк против велосипеда.

Виктор приоткрыл один глаз, лениво потянулся и усмехнулся:

— Огневая мощь — это хорошо, Джонни. Но у нас есть дух. И саперные лопатки. В ближнем бою твои «Томпсоны» не помогут, когда тебе череп проломят.

— Дух! — хохотнул Джон так, что стюардесса в другом конце салона вздрогнула. — Дух хорош, когда есть патроны. А у нас их будет гора. Я везу с собой в багаже реплику пулемета Браунинга М1919. Зверь-машина! Таможенники в аэропорту чуть инфаркт не схватили, когда увидели ствол на сканере. Пришлось показывать лицензию коллекционера и три раза объяснять, что он стреляет только газом.

Джон отвернулся к иллюминатору. Там, внизу, под кры-

лом с мигающим стробоскопом, лежала бесконечная, бархатная чернота Тихого океана. Ни огонька, ни корабля. Только бездна.

— Красота, — пробормотал он, прижавшись лбом к холодному стеклу. — Вот бы сейчас на Гавайи, а? Забить на фестиваль, лечь на пляже Вайкики, взять ледяное пиво, смотреть на девочек в юбках из травы… А мы летим в пыль и грязь.

— Ты сам этого хотел, Джон, — заметил Клаус фон Штайнер, сидевший справа, у прохода. Немецкий инженер не спал. Он что-то чертил стилусом на планшете, поправляя очки в тонкой оправе. На его столике стоял идеальный порядок: салфетка, стакан воды, планшет. — Реконструкция требует жертв. Комфорт — это для туристов.

— Скучные вы, европейцы, — Джон зевнул, обнажив крепкие зубы. — Никакого романтизма. Вот Артур меня понимает. Эй, Арти!

Он попытался дотянуться через проход до британца Артура, который спал в соседнем ряду, надвинув кепку на глаза, но не достал.

— Оставь его, — сказал Виктор. — Пусть спит.

В переднем ряду, спиной к ним, сидел Кенджи. Японец был неподвижен, как статуя Будды. Он надел наушники и, казалось, медитировал, полностью отрешившись от суеты салона.

— И самурай наш в нирване, — хмыкнул Джон. — Ладно.

Пойду разомну ноги. Затекли, сил нет. Этот «Боинг» строили для карликов.

Джон попытался встать, но Виктор опередил его.

— Сиди, Джонни. Я сам выйду. Мне тоже надо… освежиться.

Виктор отстегнул ремень безопасности. В ногах у него стоял огромный, туго набитый гермомешок, который он, вопреки правилам, протащил в салон. Виктор подхватил его.

— Ты с мешком в туалет? — удивился Клаус, отрываясь от чертежа.

— Привычка, — бросил Виктор. — Все свое ношу с собой.

Он шагнул в проход, протискиваясь мимо Клауса.

Джон остался сидеть у окна, глядя на удаляющуюся спину друга. В этот момент он почувствовал странную вибрацию. Не звук, а дрожь, прошедшую по корпусу самолета, как будто гигантская струна лопнула где-то в недрах конструкции.

— Эй, шеф! — крикнул он вполголоса, обращаясь к невидимому пилоту. — Полегче на поворотах! Дрова везешь?Но шутка застряла в горле.

Свет в салоне мигнул раз, другой, и погас окончательно. Включилось аварийное освещение, залившее все пространство зловещим, кроваво-красным светом. Пассажиры начали просыпаться, послышались испуганные возгласы.

А за окном…

Джон прильнул к стеклу. Небо, еще секунду назад чер-

ное и спокойное, вдруг полыхнуло. Это была не молния. Это был свет… зеленый? Тошнотворно-яркий, ядовитый, неестественный цвет, который, казалось, исходил не снаружи, а из самой ткани пространства. Небо словно разорвало изнутри.

Монотонный гул турбин сменился визгом разрываемого металла и воем ветра. Самолет клюнул носом.

— Oh, shit… — выдохнул Джон, вжимаясь в кресло.

Гравитация сошла с ума. Пол ушел из-под ног. Джона вдавило в сиденье с такой силой, что потемнело в глазах. Он увидел, как Кенджи в переднем ряду обернулся. Лицо японца было перекошено не страхом, а странным, пугающим пониманием. Он смотрел прямо на Джона, и его губы шевелились, словно он читал мантру.

Потом самолет тряхнуло так, что зубы лязгнули. Обшивка над головой лопнула с треском, похожим на выстрел пушки. В салон ворвался ледяной ураган, срывая обшивку, вырывая вещи из рук.

Джон увидел, как Виктора, который стоял в проходе, подбросило к потолку, а потом швырнуло назад, в хвост самолета. Клаус вцепился в подлокотники, его планшет улетел в вихре бумаг и мусора.

— Держись!!! — заорал Джон, но его крик потонул в реве катастрофы.

Мир вокруг свернулся в спираль, зеленый свет залил глаза, выжигая сетчатку. Сознание погасло, как выключенный

телевизор. Осталась только пустота и ощущение падения в бесконечность.

Глава 1. Утро, которого не было.

Первое чувство, которое вернулось к Джону Макклейну из черной бездны небытия, была боль. Тупая, пульсирующая, всеобъемлющая боль, словно его огромное тело пропустили через промышленную мясорубку, а потом небрежно, наспех собрали заново, забыв прикрутить пару важных деталей и перепутав нервные окончания. Он лежал на спине, раскинув руки крестом, и смотрел в бесконечный, колышущийся зеленый потолок. Это были листья. Огромные, мясистые, глянцевые листья древних папоротников и пальм, которые сплетались в плотный, непроницаемый купол, надежно закрывая небо. Сквозь прорехи в листве, как через амбразуры, пробивались яркие, слепящие, кинжальные лучи солнца, разрезая влажный полумрак столбами света, в которых танцевали пылинки и мошки.

Воздух был густым, липким, тяжелым, как в перетопленной русской бане. Он пах гнилью, прелой листвой, мокрой землей, плесенью и приторно-сладким, дурманящим ароматом незнакомых тропических цветов, от которого кружилась голова и подступала тошнота. И звуки. Джунгли не молчали ни секунды. Они орали, кричали, стрекотали, жужжали, шипели и ухали тысячами голосов невидимых существ, создавая какофонию жизни, в которой человек был лишним.

Джон попытался сесть. Мир качнулся, накренился и по-

плыл перед глазами. К горлу подступил ком.

— Твою мать… — прохрипел он, сплевывая вязкую слюну. Голос был сиплым, каркающим, чужим, словно он молчал неделю или кричал до срыва связок. Язык распух и прилип к небу.

Он посмотрел на себя. На нем была его любимая серая футболка с выцветшим логотипом Корпуса морской пехоты США — теперь грязная, пропитанная потом, покрытая зелеными пятнами и порванная на плече. Джинсы «Levi's» были покрыты коркой глины и слизи. Новые трекинговые кроссовки «Nike», купленные специально для поездки за бешеные деньги, чудом остались на ногах, хотя шнурки развязались и были забиты грязью.

— Где я? — он с трудом сфокусировал взгляд, пытаясь отогнать дурноту. — Гавайи? Мы упали на Гавайи? Или это какой-то затерянный остров в Тихом океане, вроде того, где снимали «Кинг-Конга»?

Но это было не похоже на туристический курорт с открытки. Это были дикие, первобытные, непроходимые джунгли, которые не видели топора. Лианы толщиной с руку свисали с деревьев, как петли виселиц, готовые удавить. Под ногами чавкала болотистая почва, покрытая толстым слоем гниющих растений, в котором кишмя кишели насекомые. В воздухе висели тучи москитов, которые уже начали пить его кровь.

Джон встал, пошатываясь, хватаясь за ствол дерева, по-

крытый влажным мхом. Он был огромным мужчиной — метр девяносто пять роста, сто двадцать килограммов мышц и живого веса, бывший борец и спецназовец, — но сейчас он чувствовал себя маленьким, слабым, разбитым и уязвимым, как ребенок, потерявшийся в огромном, враждебном лесу.

Он похлопал по карманам, проверяя содержимое. Смартфон. Он достал его дрожащими пальцами. Экран был разбит в мелкую крошку, паутина трещин покрывала стекло, корпус погнут буквой «Г». Бесполезный кусок пластика, стекла и микросхем.

— Связи нет, — констатировал он мрачно. — Навигатора нет. Интернета нет. Класс. Робинзон Крузо с айфоном.

В другом кармане нашлась зажигалка Zippo. Тяжелая, хромированная, с гравировкой орла. Он щелкнул крышкой. Язычок пламени, ровный и сильный, осветил полумрак, пахнуло бензином. Работает. Уже что-то. Огонь — это жизнь, это защита, это надежда.

Он начал пробираться сквозь заросли, ломая ветки руками, стараясь не наступать на подозрительные бугорки и корни. Ему нужно было найти своих. Виктора, Клауса, Артура, Кенджи. Они сидели рядом. Они должны быть где-то здесь. Или хотя бы найти свои вещи. Без снаряжения, без воды, без оружия в этих джунглях он долго не протянет.

Через сто метров, когда пот уже заливал глаза, разъедая их солью, а дыхание сбилось, он увидел это. На ветвях высокого, раскидистого дерева, похожего на баньян, метрах в

пяти над землей, висел черный, массивный предмет.

Его кейс. Ударопрочный, герметичный пластиковый оружейный кейс «Pelican», в котором он вез свое снаряжение для реконструкции. Он застрял в развилке толстых ветвей, видимо, выпав из разломившегося фюзеляжа самолета еще в воздухе и упав сюда.

— Моя прелесть, — выдохнул Джон с облегчением, которого не испытывал давно. — Ты здесь. Ты меня ждал.

Он полез на дерево. Это было нелегко. Ветки были скользкими от мха и влаги, кора царапала руки до крови, а собственный вес тянул вниз. Но армейская подготовка, полученная в учебке двадцать лет назад и поддерживаемая в зале, плюс природное упрямство сделали свое дело. Он, кряхтя и ругаясь, добрался до кейса, уперся ногами в ствол и с силой толкнул его вниз.

Тяжелый ящик рухнул на землю с глухим ударом, проломив кусты папоротника. Джон спрыгнул следом, пружиня ногами, подняв фонтан брызг.

Кейс выдержал. Хвала американскому пластику и инженерам. Замки открылись с мягким, приятным щелчком, выпуская наружу запах оружейного масла, кожи и дома. Внутри, в аккуратно вырезанных поролоновых ложементах, лежало его сокровище.

Форма морской пехоты США образца 1941 года (USMC P41 HBT) — куртка и штаны из плотной, добротной хлопчатобумажной саржи оливкового цвета. Тяжелые кожаные бо-

тинки «boondockers» с гетрами. Брезентовый ремень с подсумками, фляга в чехле, аптечка. И, конечно, нож. Ka-Bar. Классический боевой нож морпеха. Это была качественная современная реплика из углеродистой стали, бритвенно-острая, с наборной кожаной рукоятью. Джон вытащил его из ножен, проверил лезвие пальцем. Оно хищно блеснуло в полумраке.

Но главным сокровищем был он. Пулемет Браунинга M1919A4. Точнее, его макет. Тяжелая, угловатая стальная дура весом в 14 килограммов. Перфорированный кожух ствола, пистолетная рукоятка, прицельная планка. Ствол был пропилен снизу, затвор заварен намертво сваркой, механизм подачи ленты удален. Стрелять из него было физически невозможно. Но выглядел он устрашающе, как настоящая машина смерти. И весил как настоящий.

Джон погладил холодный, шершавый металл кожуха, как гладят любимую собаку.

— Жаль, ты не стреляешь, дружище. Сейчас бы очередь в небо, чтобы распугать этих обезьян… Но как дубина ты сойдешь. Череп проломишь любому с одного удара.

Он быстро переоделся. Джинсы и футболка, пропитанные потом и грязью, полетели в кусты — они здесь бесполезны, сгниют за неделю в этом климате. Форма села как влитая. Ткань была плотной, но дышащей, защищала от колючек и назойливых насекомых. Он зашнуровал высокие ботинки, надел на голову каску M1 (стальную, настоящую, времен

войны, которую он купил на eBay за двести долларов), обтянутую камуфляжной сеткой. На пояс повесил нож и флягу (пустую, к сожалению, но это поправимо). Макет пулемета взвалил на правое плечо, как бревно.

Теперь он чувствовал себя увереннее. Он был не потерянным туристом в майке. Он был морпехом. Пусть и ряженым, но морпехом. А морпехи не сдаются и не ноют.

Джон двинулся дальше, стараясь держать направление на запад, ориентируясь по солнцу, которое пятнами пробивалось сквозь листву. Джунгли становились гуще, непроходимее, враждебнее. Лианы цеплялись за ноги, как силки, корни, скрытые в траве, норовили сбить с шага.

Вдруг он заметил на влажной земле, у ручья с мутной водой, следы. Он остановился, присел на корточки, внимательно разглядывая отпечатки.

Следы были странными. Это были не армейские сапоги, не ботинки с рифленой подошвой и не босые ноги местных жителей. Это был четкий, глубокий отпечаток резиновой подошвы с отделенным большим пальцем. Как копыто раздвоенное.

— Таби? — удивился Джон, вспомнив картинки из книг по истории и фильмов про ниндзя. — Японская обувь? Здесь? В этой глуши?

Он провел пальцем по следу. Края были четкими, вода еще не успела их размыть и заполнить. Свежие. Прошли час назад, не больше. Группа из пяти-шести человек. Шли це-

почкой, след в след, профессионально.

«Если это реконструкторы, то они полные психи, — подумал он. — Залезть в такую глушь, в такой обуви… Или это местные? Но местные ходят босиком или в сандалиях».

Он пошел по следу. Осторожно, стараясь не шуметь, не наступать на сухие ветки, которые трещат, как выстрелы. Пулемет давил на плечо, но Джон не обращал внимания на вес. Через километр он вышел на небольшую, скрытую густыми деревьями поляну. Здесь было кострище, недавно потухшее, угли еще дымились, пахло горелым деревом. Вокруг валялся мусор.

Джон поднял пустую консервную банку. Жестяная, ржавая банка из-под рыбы. На этикетке — непонятные иероглифы и красный круг с лучами на белом фоне. Флаг Восходящего Солнца. Рядом, в примятой траве, валялся обрывок газеты. Бумага была желтой, ломкой от влаги.

Джон разгладил лист на колене. Иероглифы он не понимал, но цифры в углу страницы были арабскими, понятными любому.

1941. 09. 15. Сентябрь 1941 года. Холод прошел по спине, пробивая даже через липкий жар тропиков. Волосы на затылке зашевелились.

— Это не реконструкция, — прошептал Джон, и его голос дрогнул. — Это не игра. Это, мать его, Филиппины. Или Китай. И здесь японцы. Настоящие японцы. Солдаты Императора.

Он понял, что попал. Попал не просто на остров, а во времени. В самое пекло, за три месяца до Перл-Харбора.

Впереди, за плотной стеной зелени, послышался шум. Крики. Женский плач. Грубая, лающая, отрывистая речь. Лай собак.

Джон замер, превратившись в слух. Звуки шли со стороны, куда вели следы. Он опустил пулемет на землю, чтобы не мешал, и пополз через кусты, раздвигая ветки ножом, стараясь быть бесшумным. Через пятьдесят метров перед ним открылась картина, от которой у любого нормального человека сжались бы кулаки, а кровь ударила бы в голову.

В низине, у изгиба мутного ручья, стояла небольшая деревня. Десяток хижин на сваях, крытых пальмовыми листьями. Мирная, бедная жизнь, разрушенная в один миг. В центре деревни, на утоптанной земляной площадке, стояли люди. Местные жители — филиппинцы. Смуглые, невысокие, в плетеных шляпах и простой одежде. Мужчины, женщины, дети. Они стояли на коленях в грязи, сбившись в кучу, обнимая друг друга, дрожа от страха.

Вокруг них ходили солдаты. Они были одеты в форму цвета хаки, с обмотками на ногах, в кепи с характерными «ушами»-назатыльниками, свисающими на шею. В руках — длинные винтовки «Арисака» с примкнутыми длинными, хищными штыками-мечами. Японская императорская армия. Разведка. Их было человек десять. Передовой отряд, прощупывающий местность. Офицер, в фуражке и с длин-

ным самурайским мечом на поясе, кричал что-то на смеси японского и ломаного английского, тыча пальцем в карту.

— Rice! Food! Where Americano? Speak! (Рис! Еда! Где американцы? Говори!)

Старик-филиппинец, видимо, староста, с седой бородкой, что-то ответил, отрицательно качая головой и показывая пустые руки. Офицер размахнулся и ударил его ножнами меча по лицу. Звук удара был сухим и страшным, как хруст ветки. Старик упал, из разбитого носа хлынула кровь. Женщины закричали, дети заплакали.

— No lie! (Не врать!) — заорал японец, лицо его перекосилось от бешенства. Он выхватил меч. Клинок сверкнул на солнце, как молния, отражая лучи.

Он замахнулся над лежащим стариком, собираясь снести ему голову одним ударом.

Джон не думал. Времени на раздумья, на оценку рисков, на план «Б» не было. У него не было огнестрельного оружия. У него была только железная дубина весом в 14 кг, нож и ярость. И еще у него был голос. Голос сержанта полиции, от которого глохли наркоторговцы в гетто и писались в штаны новобранцы в учебке.

— HEY! — заорал он, вставая во весь рост на краю джунглей, ломая кусты своим весом. — GET AWAY FROM HIM, YOU BASTARD! (Отойди от него, ублюдок!)

Голос прогремел над поляной, как гром небесный, заглушая плач и крики. Японцы вздрогнули, обернулись. Они

увидели кошмар. Огромного, двухметрового американца в каске, грязного, страшного, который держал на бедре тяжелый пулемет, направив черный зрачок ствола прямо на них.

— Drop it, assholes! (Бросьте это, ублюдки!) — рявкнул Джон, делая шаг вперед, наступая на них, как танк. — Или я превращу вас в суши!

Японцы замерли. Они видели пулемет. Они знали, что такое Браунинг 30-го калибра. Они знали, что эта машина смерти превратит их всех в кровавый фарш за одну секунду, прежде чем они успеют поднять винтовки. Они не знали, что он не стреляет. Страх перед «американской мощью» сработал. Офицер замешкался, опустил меч, глядя на дуло пулемета расширенными глазами. В его взгляде мелькнуло сомнение и страх.

Этого мгновения хватило. Джон понимал: если он нажмет на спуск и ничего не произойдет, его убьют. Блеф работает только секунду. Он швырнул тяжелый макет пулемета прямо в группу солдат, стоящих ближе всего. Четырнадцать килограммов стали пролетели пять метров и врезались в грудь солдата, сбив его с ног с хрустом ломающихся ребер.

— А-а-а! — заорал Джон и рванул вперед.

С голыми руками и ножом. Как разъяренный медведь. Он влетел в толпу японцев, как шар для боулинга в кегли, сбивая их с ног своей массой. Удар плечом — первый солдат отлетел на пять метров, сломав бамбуковую стену хижины, и остался лежать. Удар ножом — лезвие Ka-Bar вошло

под ребра второму, который пытался ударить штыком. Джон провернул нож и выдернул его, фонтан крови брызнул на форму.

Офицер опомнился. Он понял, что пулемета нет, что это была уловка.

— Banzai! — взвизгнул он и взмахнул мечом, метя Джону в шею.

Джон увернулся, нырнув под удар. Лезвие катаны рассекло воздух над головой, срезав ветку пальмы.

Джон перехватил руку офицера с мечом. Сжал запястье своей огромной ладонью, как тисками. Хруст кости. Офицер закричал, меч выпал из ослабевших пальцев. Короткий, страшный удар лбом в лицо. Нос японца превратился в месиво. Он рухнул как подкошенный. Остальные солдаты, видя, что их командир повержен, а перед ними бешеный гигант, который убивает руками, открыли беспорядочный огонь. Но они боялись задеть своих в этой свалке. Пули свистели мимо, впиваясь в землю и стены хижин.

Джон крутился волчком, используя тела врагов как живой щит. Он вырвал винтовку у одного зазевавшегося солдата, ударил прикладом в челюсть другого, ломая зубы.

Филиппинцы, увидев, что американец бьет японцев, что их мучители повержены и в замешательстве, тоже бросились в драку. С мачете, с палками, с камнями. Женщины кидались с ногтями, раздирая лица врагам. Толпа, обезумевшая от ярости и страха, смяла разведчиков.

Через минуту все было кончено. Десять японских солдат лежали на красной от крови земле. Мертвые или без сознания, затоптанные толпой.

Джон стоял посреди этого побоища, тяжело дыша, упираясь руками в колени. Его форма была в крови — чужой и своей, штык зацепил предплечье, оставив глубокий порез. Он подошел к офицеру. Тот еще шевелился, пытаясь ползти, хрипя.

Джон поднял его меч. Тяжелая, остро заточенная катана с шелковой оплеткой рукояти. Баланс был идеальным.

— Твой меч мне пригодится, самурай, — сказал он, вытирая лезвие о мундир японца. — Ты его недостоин. Ты бил старика.

Он нашел на поясе офицера кожаную кобуру. Расстегнул. Там лежал пистолет «Намбу» Тип 14. Странный, угловатый, похожий на «Люгер», но настоящий.

Джон проверил магазин. Полный. Дослал патрон в патронник. Щелчок затвора прозвучал как музыка.

— Теперь у меня есть ствол, — усмехнулся он, чувствуя тяжесть оружия в руке. — Теперь повоюем по-настоящему.

Старик-филиппинец, староста деревни, с трудом поднялся, вытирая кровь с разбитого лица краем рубахи. Он подошел к Джону, низко поклонился, сложив руки на груди.

— American? (Американец?), — спросил он с надеждой и благоговением, словно перед ним стоял святой.

— Yeah (Да), — кивнул Джон, сплевывая кровь. — US

Marine. United States Marine Corps. Сержант Макклейн.

— You save us. Thank you. Japan bad. Very bad. They kill. (Вы нас спасли. Спасибо. Япония плохая. Очень плохая. Они убивают.)

Джон посмотрел на джунгли. Он знал историю. Он знал, что это только начало. Это была разведка. Основные силы японцев высадятся в заливе Лингаен в декабре. Они вернутся. И их будет много. Тысячи. Танки, самолеты, артиллерия.

— Слушай меня, старик, — сказал он, глядя в глаза филиппинцу. — Уводи людей. В лес. В горы. Здесь оставаться нельзя. Они придут снова и сожгут все. Они будут мстить за этот отряд.

— Мы уйти, — кивнул старик. — Мы знать горы. Мы знать тропы. Ты идти с нами?

— Я пойду с вами. Мне нужно найти своих. Если они есть на этом острове.

Джон поднял свой макет пулемета, закинул его на плечо — тяжесть была привычной и успокаивающей. В правой руке он сжимал японский меч. За поясом торчал пистолет и нож.

— Война пришла, — сказал он тихо, глядя на солнце, которое садилось за пальмы, окрашивая небо в цвет крови. — И я, кажется, первый американец, который вступил в бой. Пока Вашингтон спит, Джонни Макклейн уже работает.

Он сплюнул.

— Ну что ж. Потанцуем, суки.

Он развернулся и зашагал к джунглям, ведя за собой спа-

сенных людей. Впереди была неизвестность, джунгли и война, которую он не выбирал, но которую обязан был выиграть, чтобы выжить.

Глава 2. Тени в раю.

Новый дом, который обре

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.